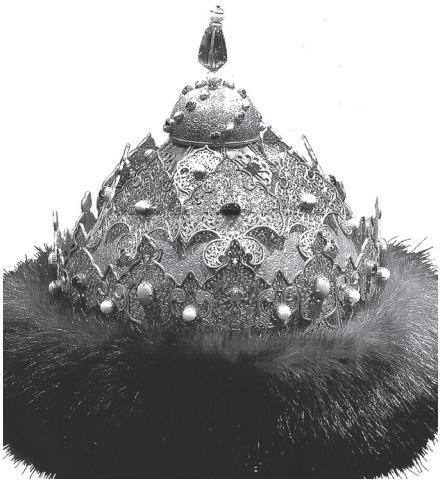
ББК 63.3(2)44; УДК 94(47). 043

М. В. Горелик

МУСУЛЬМАНСКИЙ ПАПА НА МОСКОВСКОМ ПРЕСТОЛЕ («ШАПКА КАЗАНСКАЯ» ИВАНА IV ГРОЗНОГО ИЗ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ)*

Одна из важнейший царских регалий Московского Государства — Шапка Казанская, корона Казанского царства — в последние десятилетия вызывает повышенный интерес исследователей. Исследователи эти в основном казанские, занимающиеся историей татарской культуры и искусства. Интерес понятен: ведь от искусства Казанского ханства практически ничего не осталось, столь тщательно оно было разграблено и разрушено московскими завоевателями. Например, от всего очевидно огромного казанского наследия в области художественного металла до нас дошел только… один маленький кувшинчик. Поэтому такое большое, искусно сделанное, богатое — и потому высокоинформативное произведение, как корона властителя, связанная с Казанью, может, по мнению упомянутых исследователей, пролить свет на уровень торевтики, причем в его самом высшем проявлении, который имел место в Казанском ханстве. Поэтому Шапку Казанскую даже поспешили объявить короной последнего казанского хана Ядигера. Эта гипотеза (или, как модно говорить, «версия») стала крайне популярной, почти аксиомой, в узких кругах научной, а еще более — в широких кругах околонаучной общественности Татарстана. Напомним, что «официальное предание», связанное еще с описями Оружейной палаты XVII–XIX вв.,



Казанская шапка. Оружейная палата Московского Кремля.

* В основу настоящей статьи положен текст доклада, прочитанного на международной конференции «Культура Ислама», проведенной Фондом Марджани в 2009 г.

гласит: «Шапка Казанская, устроенная в Москве в 1553 г. царем Иоанном Грозным для племянника последнего казанского царя Едигера, царевича Саин-Булата, крестившегося в 1553 г. под именем Симеона… Замечательна, как редчайший образец московской ювелирной работы второй половины XVI в.[1] Как видим, «старое предание» немногим достовернее «новой версии» хотя бы потому, что Сайн-Булата крестили в Симеона не в 1553 г., а двадцатью годами позже, и к тому времени он был уже не только Касимовским ханом-царем и племянником Едигера, но и племянником самого царя Ивана, так как был сыном Алтынчач Темрюковны, старшей сестры Гошаней-Марии Темрюковны, второй жены Ивана Васильевича. Именно поэтому он — племянник Московского царя, природный царь-чингизид, православный — и был посажен, с полным правом, на Московский трон.

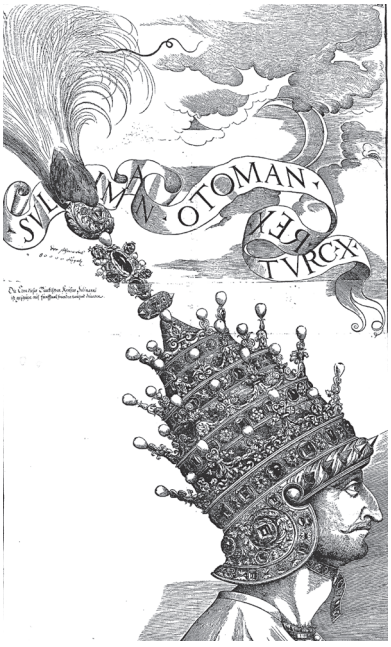
На самом деле ситуация с Казанской короной гораздо сложнее и намного интереснее, чем в «предании» и в «версии» Дело в том, что она обладает одной крайне специфической особенностью. Эта корона — ярусная, в три яруса зубцов. Подобного нет ни на одном из увенчаний царственных голов Старого Света за все времена, за одним исключением: тиара католического первосвященника — папы римского — имеет вид сахарной головы с ярусами зубцов, то есть с несколькими нанизанными на «сахарную голову» коронами. Причем еще в XIII в. это была «сахарная голова» с зубчатым венцом над околышем[2], а ярусность папская тиара приобрела только к исходу XIII в., при папе Бонифации VIII, и ярусов сначала было два[3], в XV в. — то два[4], то три[5], и уже в XVI в. и позже — всегда три яруса[6]. Но какое отношение имеет папская тиара к короне православного царя? Ведь эта корона символизировала его владычество над мусульманским ханством, что, в свою очередь, легитимизировало его титул царя, каковым Иван IV провозгласил себя не совсем законно. А вот то, что он занял трон ханов-чингизидов, трон природных, по русской традиции, царей, трон Казанского **царства,** придавало его титулу, новому для Руси, легитимность не только перед окружающим миром, но прежде всего — у себя, на Руси.

Рассмотрим форму и конструкцию Казанской короны. Она, очевидно, восходит к регалии князей Великого княжества Московского — так называемой «шапке Мономаха». Как убедительно показал М. Г. Крамаровский[7], последняя является произведением золотоордынских мастеров конца XIII – первой половины XIV в. В настоящее время от оригинала сохранилась только сканая тулья, в которой утерянные жемчужные и коралловые (?) вставки заменены много позже, в Москве, вставками драгоценных цветных камней. Также позже в Москве было заменено навершие. Регалия изначально имела зубчатый венец, который описан Герберштейном еще на Василии III и который показан на одном из европейских гравированных портретов Ивана IV (XVI в.). Такие венцы имелись у всех увенчаний мусульманских владык Среднего и Ближнего Востока и Средней Азии с XIV по XVII в. Причем «шапка Мономаха» была, похоже, одним из первых образцов короны такой конструкции и послужила образцом для увенчаний последующего времени. Форму утраченных зубцов венца Шапки нетрудно представить в виде трехлепестковой пальметты сколь угодно усложненной формы, каковые мы наблюдаем на достаточном количестве

[1] *Арсеньев Ю. В., Трутовский В. К.* Путеводитель по Оружейной палате. М., 1914. С. 83–84.
[2] *Bussagli M.* Rom. Die goldenen Jahrhunderte. Berlin, 2009. S. 237.
[3] Ibid. S. 239.
[4] Ibid. S. 330.
[5] Ibid. S. 322.
[6] Ibid. S. 408–409.
[7] *Крамаровский М. Г.* Шапка Мономаха: Византия или Восток? // Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Т. 47. Л., 1982.

филигранных предметов с территорий от Восточной Европы до Монголии и Китая, относящихся к имперской монгольской культуре, культуре империи чингизидов. Так что возведение ее к этнографической татарской девичьей тюбетейке «такья», как это подчас делают в Казани, совершенно неправомерно. Особенно это относится к предположению, что золотая *такья* могла принадлежать золотоордынской принцессе Кончаке, сестре хана Узбека, выданной замуж за московского князя Юрия. Но замужняя знатная монголка носила специальный головной убор «богтаг» (бугтаг, бохтог, бокка) и никогда — свой девичий головной убор (девичью одежду хранили и наряжали в нее владелицу после ее смерти, так что она оказывалась в гробу, а не в сундуке). Тем более что есть достаточно веские основания полагать, что Московская корона (золотоордынский венец) являлась даром хана Узбека московскому князю Ивану Калите за его верную службу «золотому престолу», ярче всего выразившейся в подавлении антиордынского восстания в Твери. И уж конечно, верного вассала — за выдающиеся заслуги — не могли наградить женским головным убором, пусть и драгоценным, тем более что у монголов обряжение в элементы женского костюма было позорнейшим наказанием.

Ответ на вопрос, каким же образом папская тиара совместилась с ханской короной, неожиданно оказался в памятнике искусства Венеции — гравированном в 1532 г. портрете османского султана Сулеймана Кануни (Великолепного). Портрет неизвестного художника представляет собой плечевое изображение султана в профиль. Персонаж определяем не только по узнаваемым чертам лица, но и по крупной надписи на извивающейся ленте — Suliman Otoman rex turcx. В 1535 г. была выпущена зеркальная копия этой гравюры, выполненная художником Агостино Венециано, отличающаяся от оригинала лишь в деталях. На обеих гравюрах тело султана облачено в два турецких кафтана — нижний из узорной, верхний из гладкой ткани. На голове же у султана — весьма странное сооружение в виде типично венецианской разновидности популярного в Западной Европе (особенно в Италии) конца XV – XVI в. шлема *барбют*. В Венеции местная разновидность этого типа шлема — barbuta alla veneziana — употреблялась не только как чисто боевой доспех: именно его предпочитали надевать в качестве парадного, так как он был достаточно легок и оставлял открытым лицо, и поэтому его часто украшали самым роскошным и причудливым образом. Беспрецедентным украшением венецианского барбюта на гравированных в Венеции султанских портретах и была «надетая» на него папская тиара о четырех ярусах. Все сооружение, сплошь покрытое узорной ренессансной чеканкой, вставками драгоценных камней, увенчаниями каждого зубца венцов крупными жемчужинами производит впечатление фантастичности. Но на самом деле перед нами вполне реальный предмет. Отделанный камнями и жемчугами золотой шлем был изготовлен в 1532 г. (так что первая гравюра создана вскоре после изготовления шлема и передает предмет с достаточной точностью) в Венеции мастером Луиджи Каорлини, за что ему из турецкой казны была выплачена



Сулейман Великолепный, венецианская гравюра 1532 г.

огромная сумма — более чем 100 000 дукатов, а произвел оплату и привез шлем-корону в Стамбул великий везир Ибрагим-паша; султан Сулейман надевал шлем-корону лишь во время приема австрийского посольства[8]. Как же возникла подобная странная форма, идеологическая химера? Полагаю, что эта инсигния была заказана султаном специально для встреч с представителями католического мира (православный к тому времени был, за исключением Московии и части Речи Посполитой, под пятой османов, и перед ним уже не имело смысла дополнительно величаться), дабы показать ему, что правитель Великой Порты есть не только падишах, султан и хан, то есть светский владыка, воин — *хункар* (кровопроливец), но и халиф, то есть повелитель всех правоверных, духовный владыка всех мусульман (кстати, именно по этим причинам исключена какая-либо связь похожей на шлем-венец Султана Сулеймана и «Казанской шапки» с ханами Казани, т. к. последние отнюдь не претендовали на сан халифа, да и воздействие на католический мир не было для них сколько-нибудь актуальным). Чтобы это было ясно католикам, на европейский шлем была водружена папская тиара, а чтобы подчеркнуть превосходство ислама — на увенчании халифа было сделано на один ярус зубцов больше, чем на папской тиаре. Одновременно четыре короны могли символизировать власть султана над всеми четырьмя сторонами света. Но функция и символика короны-шлема-тиары была еще более откровенной: Сулейман, будучи владыкой Рума — бывшей Византии = бывшего второго Рима, считал своим законным правом быть владыкой и первого Рима = Рума. А поскольку самим Римом и областью правил папа, то папская тиара на короне-шлеме символизировала претензию на Вечный Город. В то же время султан претендовал на власть над другим «Румом» — Священной Римской империей германской нации, на троне которой сидели австрийско-испанские Габсбурги и столицей которой была Вена. Именно эта коллизия, эта претензия приводила турецкие войска под Вену. И на гравюре голландского художника Иоганна Компайера 1684 г. уже султан Мехмед IV на торжественном конном портрете осаждает Вену в 1683 г. все в той же короне-тиаре-шлеме монарха великого единого Рума, которой исполнилось 150 лет.

Сулейман Великолепный, венецианская гравюра 1535 г.

Но каким образом столь беспрецедентное воплощение сложной и очень конкретно направленной османской идеологемы оказалось реализовано при православном Московской дворе, да еще в связи с Казанским взятием? Как известно, Иван IV в юные годы, в период его работы с близким кругом советников, который позднее был назван эмигрантом князем Андреем Курбским — с несколько польским акцентом — «избранной радой», увлекался, с подачи некоторых из этих советников, административным и военным устройством Османской империи, многие из принципов и форм которого он воплотил в жизнь. Разумеется, Сулейман Кануни (Законодатель) — Великолепный, великий завоеватель и устроитель империи, воплощение ее апогея, должен был производить на молодого царя Московии особенно яркое впечатление. Можно предположить, что он заказал достать портрет своего кумира «во всей славе его», каковым являлась доступная и транспортабельная

[8] *Esin A.* The Age of Sultan Suleyman the Magnificent. Washington: National Gallery of Art, 1987. P. 113–114.

гравюра 1532 г. или ее копия 1535 г., которая и могла быть легко приобретена и доставлена в Москву итальянскими, даже специально венецианскими купцами, дипломатами или мастерами-художниками, столь ценимыми при Московском дворе. И когда приспело Казанское взятие, итальянский шлем-корона Османского султана-халифа в виде папской тиары как нельзя лучше послужил основой Московской идеологемы, представлявшей православного Московского царя в виде, с одной стороны, хранителя христианской веры, а с другой — владыкой мусульманских подданных. И все это было воплощено в традиционную московскую форму золотоордынской короны.

Два слова о стилистике и технике декора. Еще раз с сожалением приходится отметить гибель памятников искусства Казанского ханства, особенно высокого, ханского обихода. Правда, памятников торевтики Москвы первой половины – середины XVI в. высшего уровня также осталось крайне мало. Поэтому аналогии и предтечи стиля Казанской шапки найти крайне сложно, хотя и не невозможно. В качестве аналогии можно привести памятник, не менее сложный для анализа, чем Казанская корона. Этим памятником является сабля Кучума, хранящаяся в ГЭ. Она практически не опубликована: Э. Ленц в своем бессмертном «Указателе» только вкратце упомянул о ней, ошибочно назвав «киргизской» (то есть казахской), а в альбоме опубликован один клинок без ножен[9] (автор приносит искреннюю благодарность заведующему Отделом оружия ГЭ Ю. А. Ефимову за возможность ознакомления с этим замечательным памятником). Декор лицевой стороны перекрестия и ножен, при всем различии конкретных узоров (в обоих случаях восточных) малоазийско-сирийского происхождения, при разнице в техниках (просечная в короне, врезная гравировка в сабле), при уровне проявленного мастерства (в короне оно безусловно выше), все же можно полагать стилистически схожим с декором зубцов Казанской короны. Легкая линейная гравировка изнанки фурнитуры, выполненная достаточно небрежно, отражает восточноевропейские традиции XVI в. Сабля из ГЭ имеет гравированную тюркоязычную надпись на клинке, выполненную дуктом XVII–XVIII вв.: «клыч бахадура Кучум-хана» (определение тюрколога И. В. Зайцева). Однако сам клинок — типично черкесский, подобные образцы хранятся в Оружейной палате Московского Кремля и прекрасно датируются временем поступления — XVI в. Так что надпись можно полагать мемориальной, нанесенной много позднее времени изготовления клинка. Ее даже можно с осторожностью отнести к имуществу Кучума — одного из последних ханов Сибирского ханства, побежденного Ермаком и пережившего последнего на 19 лет. В Московское царство она легко могла попасть с многочисленными кучумовыми наследниками — сибирскими царевичами и ханами, с ближними сподвижниками Кучума (к каковым, например, относится знаменитый его советник-карача, убийца атамана Ивана Кольцо, захваченный вместе с правителем Сибири Саид-ханом, ставший придворным захваченного вместе с ним в Сибири и посаженного в 1600 г. на Касимовский трон выходца из Казахской Орды хана Ораз-Мухаммада, и прославившийся на века как прекрасный историк Кадыр Али-бек Джалаир, автор «Джами ат-таварих»), попадавшими в конце XVI в. в московский плен и испомещавшимися русскими царями на разные, вполне достойные чингизидов кормления, за которые они добросовестно расплачивались военной службой.

Так что корону можно отнести к образцам высокого мастерства восточноевропейской торевтики середины XVI в., вероятно, созданной в московских мастерских при участии казанских мастеров. О ее русской составляющей может свидетельствовать факт

[9] *Ленц Э. Э.* Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1. Собрание Оружия. СПб., 1908. С. 106. Табл. VIII. А. 9.

определенного сходства (при всей разнице техники, диктуемой разницей материала), воплощенного в ней стиля со стилем высшего уровня деревянной резьбы XV в. Московской Руси, представленным в храмовых «царских вратах» из Ростовского уезда Ярославской губернии[10] ; показательно, что более ориентализированные по характеру узора «царские врата» XVI в. из собора Пафнутиевского монастыря[11] по манере отстоят от манеры, отраженной в торевтике, значительно дальше, нежели манера деревянной резьбы, продемонстрированной на вратах XV в. Однако пока, при ограниченном числе наличествующих в научном обиходе памятников прикладного искусства середины XVI в., сказанное выше относительно стиля следует считать не более чем черновой гипотезой.

Данные о статье

Автор: Горелик, Михаил Викторович — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, 46yarrist46@gmail.com

Заголовок: Мусульманский папа на Московском престоле («Шапка Казанская» Ивана IV Грозного из Оружейной палаты)

Резюме: Хранящаяся в Оружейной палате Московского Кремля одна из царских регалий-корон, принадлежавшая Ивану IV Грозному «Шапка Казанская» — корона царя, символизирующая его статус монарха Казанского ханства, но также и владельца чингизидского престола, который узаконил его новый для Великого князя Московского титул «царь», который на Руси XIII–XV вв. принажлежал только чингизидам, вызывает в последние годы новую вспышку интереса. Она связана с интересом татарстанской научной и околонаучной общественности к регалиям Казанского ханства. В Казани полагают, что данная корона принадлежала последнему казанскому Хану и Ивану Московскому досталась как трофей. Автор полагает, что это невозможно. «Шапка» имеет совершенно необычную, специфическую форму тиары с тремя венцами, которую имела только… папская тиара. Но на итальянских гравюрах второй четверти XVI в. с портретом турецкого султана Сулеймана Кануни (Великолепного) мы видим именно эту тиару, только с четырьмя ярусами венцов, «надетую» на венецианский шлем «барбют». Из документов известно, что эта реальная вещь была заказана султаном венецианскому мастеру за огромные деньги, и символизировала претензии Сулеймана и последующих султанов, владевших Румом-Анатолией, Румелией-Нижним Подунавьем еще и на италийский Рим, и на Священную Римскую Империю германской нации со столицей в Вене. Надевалась она на приемах имперских послов. Сулейман был кумиром молодого Ивана IV, проводившего реформы в подражание Сулеймановым. Скорее всего, он заказал итальянцам гравированный портрет султана, и захватив Казанское ханство, заказал корону, как у властителя исламского мира. Исполнили ее в Москве как русские, так и, вероятно, татарские мастера.

Ключевые слова: Шапка Казанская, Иван Грозный, султан Сулейман, Казанское ханство, папская тиара

Литература, использованная в статье

Арсеньев, Юрий Владимирович; Трутовский, Владимир Константинович. Путеводитель по Оружейной Палате. Москва: Типография В. И. Воронова, 1914. 303 с.

Бибикова, Ирина Михайловна. Монументально-декоративная резьба по дереву // Русское декоративно-прикладное искусство от древнейших времен до наших дней. Т. 1. Москва: Издательство Академии художеств СССР, 1962. С. 35–108.

Крамаровский, Марк Григорьевич. Шапка Мономаха: Византия или Восток? // Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Т. 47. Ленинград: Искусство, 1982. С. 66–70.

Ленц, Эдуард Эдуардович. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1. Собрание оружия. Санкт-Петербург, 1908. 376 с.

[10] *Бибикова И. М.* Монументально-декоративная резьба по дереву // Русское декоративно-прикладное искусство от древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1962. С. 64. Рис. 33.
[11] Там же. С. 66. Рис. 34.

Atil, Esin. The Age of Sultan Suleyman the Magnificent. Washington: National Gallery of Art, 1987. 356 p.
Bussagli, Marco. Rom. Die goldenen Jahrhunderte. Berlin: H. F. Ullman Publ., 2009. 543 p.

Information about the article

Author: Gorelik, Mikhail Viktorovich — Ph. D. in Art History, senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 46yarrist46@gmail.com

Title: Muslim «pope» at the Muscovy throne («Kazan crown» of Ivan the Terrible from the Armoury).

Summary: «Kazan crown» of Ivan the Terrible is saved in the Armoury in Moscow Kremlin. It symbolized his status as a ruler of the Kazan Khanate and an owner of Chingisides throne. This status legitimated his hew title «Tsar» In the 13th – 15th centuries the Chingisides only had the possibilities to bear this title. So, in the light of these circumstances it is very important and interesting to study regalia of the Kazan Khanate. Modern Kazan scholars assumed, that the «Kazan crown» had been a trophy of Ivan the Terrible in 1552. The Author of paper supposes, that it is impossible. The crown has an unusual, specific form of tiara with three aureoles. A similar form has the pope's tiara only. We also have to find a similar crown at the Italian engravings of the second quarter of the 16th century. It was a portrait of Turkish sultan Sulejman Kanuni (Magnificent). We know, that it was a real crown, which symbolized the claims of Turkish sultans on the Italian Rome and Holy Roman Empire. This crown was made by Venetian master. Sulejman Kanuni was an idol of Ivan the Terrible. The Author surmises, that Tsar Ivan had ordered a portrait of sultan, and then — a crown as Sulejman owned. The masters, which made the crown, were Russians and Tatars.

Keywords: «Kazan crown», Ivan the Terrible, sultan Sulejman Kanuni, Kazan Khanate, pope's tiara

References

Arsenyev, Yuriy Vladimirovich; Trutovskiy, Vladimir Konstantinovich. *Putevoditel' po Oruzheynoy Palate* [*Guide of the Armoury Chamber*]. Moscow: V. I. Voronov Print., 1914. 303 p. (in Russian)
Bibikova, Irina Mikhaylovna. Monumental'no-dekorativnaya rez'ba po derevu [The monumental and decorative wood carvings], in *Russkoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo ot drevneyshikh vremen do nashikh dney*. Vol. 1. Moscow: The USSR Academy of Arts Press, 1962. Pp. 35–108 (in Russian).
Kramarovskiy, Mark Grigorievich. Shapka Monomakha: Vizantiya ili Vostok? [Monomakh's Cap. Byzantium or the East?], in *Soobshcheniya Gosudarstvennogo ordena Lenina Ermitazha*. Vol. 47. Leningrad: Iskusstvo Publ., 1982. Pp. 66–70 (in Russian).
Lenz, Eduard Eduardovich. *Imperatorskiy Ermitazh. Ukazatel' otdeleniya Srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniya* [*The Imperial Hermitage. Index of the Branch of the Middle Ages and the Renaissance*]. Part 1. The collection of arms. St. Petersburg, 1908. 376 p. (in Russian)
Atil, Esin. *The Age of Sultan Suleyman the Magnificent*. Washington: National Gallery of Art, 1987. 356 p.
Bussagli, Marco. Rom. *Die goldenen Jahrhunderte* [*Rome. The Golden century*]. Berlin: H. F. Ullman Publ., 2009. 543 p. (in German).